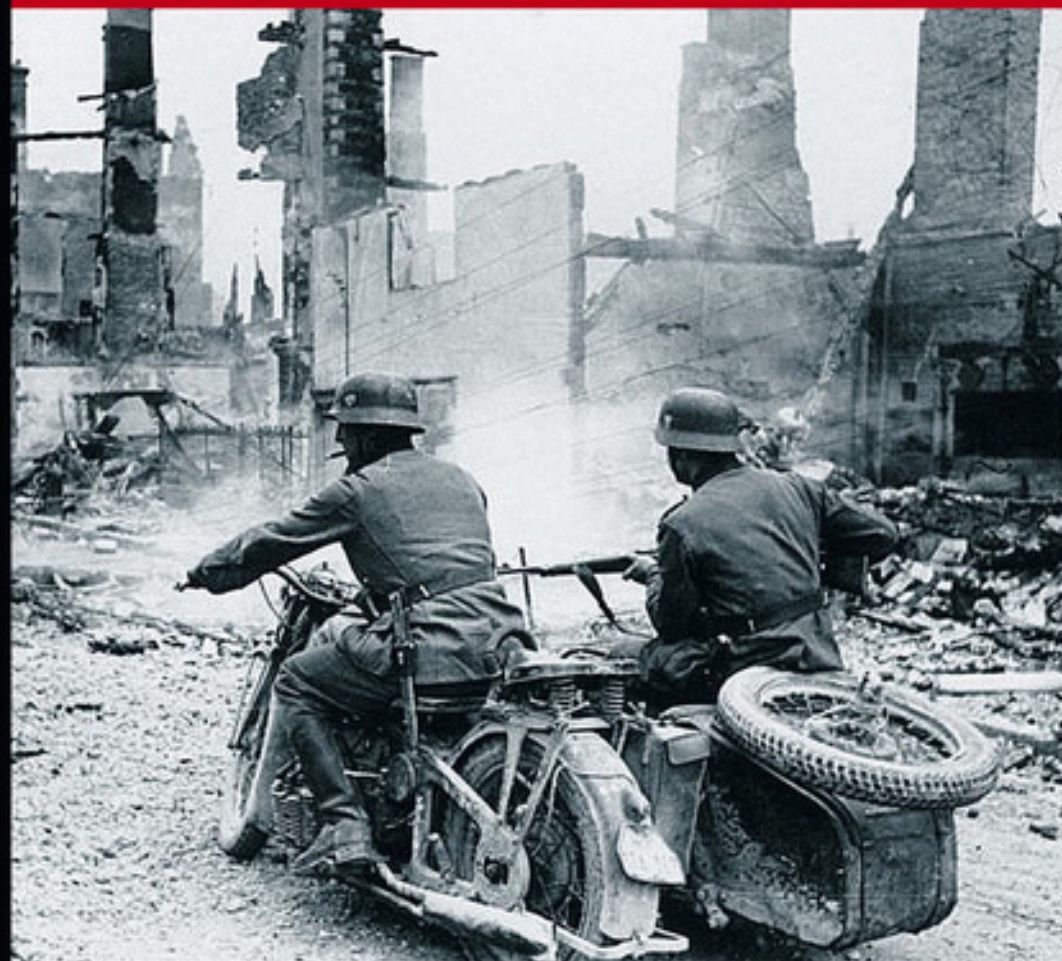

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Дитрих фон Хольтиц

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

**ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА ВЕРМАХТА
О ВОЙНЕ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ**

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Дитрих фон Хольтиц

**Солдатский долг. Воспоминания
генерала вермахта о
войне на западе и востоке
Европы. 1939–1945**

«Центрполиграф»

1951

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

фон Хольтиц Д.

Солдатский долг. Воспоминания генерала вермахта о войне на западе и востоке Европы. 1939–1945 / Д. фон Хольтиц — «Центрполиграф», 1951 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5160-5

В своих воспоминаниях о Второй мировой войне генерал вермахта Дитрих фон Хольтиц описывает сражения и операции, в которых принимал личное участие: взятие Роттердама в 1940 г., осада и штурм Севастополя в 1942 г., бои в Нормандии летом 1944 г., где он командовал армейским корпусом. Большое внимание Хольтиц уделяет организации вооруженных сил Германии в период Веймарской республики и Третьего рейха, боевой подготовке войск, взаимоотношениям военной верхушки с политическим руководством. Последним местом службы автора стал Париж, комендантом которого генерал был назначен в начале августа 1944 г. Большое место в воспоминаниях автор уделяет понятию солдатского долга, размышляет о месте армии в обществе и пределе подчинения военных приказам верховной власти.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5160-5

© фон Хольтиц Д., 1951

© Центрполиграф, 1951

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Формирование рейхсвера в мирное время	8
Рейхсвер и республика	8
Связи с границей	13
Отношение к Версальскому договору	15
Рейхсвер – кадрированная армия	17
Общество и спорт	19
Глава 2. Армия и национализм	22
Переходный период	22
Потсдам и путч Рёма	24
Оздоровление общества	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дитрих Хольтиц
Солдатский долг. Воспоминания
генерала вермахта о войне на западе
и востоке Европы. 1939 – 1945

Dietrich Von Choltitz
Soldat unter soldaten

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2015

* * *

Вступление

Цель этой книги – осветить человеческую сторону войны, принесшей столько бед нашему народу и всему миру. Само это намерение ставит чудовищные преграды, поскольку по своему смыслу два слова, «война» и «человечность», находятся в глубоком противоречии друг с другом.

Моя цель иная: рассказать о простых солдатах и офицерах, перед кем важные решения представляли не в своем политическом, военном или историческом значении, а оценивались по их влиянию на роты, полки, дивизии и, особенно, фронтовиков, офицеров на рядового солдата. Желание отдать свой долг простому солдату вдохновило меня на написание этой книги, оно должно пронизать ее всю и связать воедино. С него надо начинать, и им надо заканчивать.

С самого раннего детства я рос в среде, пропитанной военным духом; мой отец был военным, мои братья и кузены тоже. Большую часть жизни я провел в восточной части Германии, в области, много веков назад полностью включенной в ее состав и, безусловно, принадлежавшей западной цивилизации. В нашей Силезии никогда не говорили ни на каком языке, кроме немецкого, и нам никогда не пришла бы в голову мысль о том, что эта земля может быть силой отнята у нас¹. Во времена старой Германской империи мои предки были военными или чиновниками, служившими независимым князьям или императору². Эта служба являлась смыслом существования моего рода, а труд на благо родины был правилом. Помимо долга службы государству, решающее влияние на нашу жизнь, сколько я себя помню, оказывала верность христианству. И несмотря на то, что религиозные разногласия разделили мою семью, обе ее части чтит и исполняли религиозные обязанности. Разговоры времен моей юности, в первую очередь с отцом, общение с моим окружением, личный опыт приучили меня к тому, чтобы относиться к своему воинскому долгу как к религиозной обязанности, исполнять его со всей возможной человечностью и никогда не нарушать христианских принципов.

Пока мой отец владел поместьями, его отношения с простыми людьми оставались совершенно патриархальными, и я не припоминаю ни единого слова, услышанного мною от него в мои юные годы, которое поставило бы под сомнение два вышеназванных принципа – служба государству и религиозность, которыми он руководствовался и в этих отношениях. Мой отец был кавалеристом, и в ту пору, когда мы готовились вылететь из родного гнезда, он служил в Ла-Маршском уланском полку. В тринадцать лет я поступил в Дрезденский кадетский корпус. Нашим обучением занимались маститые преподаватели, из которых многие преподавали также в Школе принцев Саксонского двора, и тщательно подобранные офицеры. В апреле 1914 года я был зачислен в полк, которым командовал муж принцессы, у которой я в юности долго служил пажом при королевском дворе. Это был 107-й пехотный полк принца Иоганна-Георга, входивший тогда в Лейпцигский гарнизон. Вплоть до начала войны в августе 1914 года я имел звание фенриха – самое высокое унтер-офицерское звание. В это время я получил самую лучшую подготовку, какую мог получить новобранец накануне мировой войны. Но главное, я очень

¹ Автор необъективен. Силезия – древняя славянская земля. В IX–X вв. входила в состав Великоморавского государства (разгромленного венграми в начале X в.), затем Чехии. В 990 г. вошла в состав Польши, где в XII–XIV вв. была одной из самых высокообразованных областей. В 1241 г. Силезия подверглась опустошительному нашествию монголо-татар. В XIV в. была отторгнута от Польши Чехией. В 1526 г. вместе с Чехией вошла в состав государства австрийских Габсбургов. В 1740–1742 гг. почти вся Силезия была захвачена другим германским государством – Пруссией. И в течение столетий шла германизация Силезии, о чем сообщает и автор, отпрыск древнего славянского аристократического рода – граф Седльницкий-Одровац (Одровац, Одровонж) фон Хольтиц, забывший о своих корнях. (*Примеч. ред.*)

² Седльницкие служили не только германским императорам, до 1871 г. прусским королям, но и австрийским императорам. (*Примеч. ред.*)

хорошо помню, как наши капитаны и майоры прививали своим подчиненным чувство ответственности, которое они возвели в ранг закона. Я знаю, как серьезно эти офицеры относились к своей задаче учителей, в военном аспекте и в человеческом. Между солдатами и офицерами существовало взаимопонимание, отношения между ними были доверительными. Как в любой армии, самой тяжелой служба была у пехотинцев и саперов. У них ничто не вставало между солдатом и командиром, вроде лошади в кавалерии или пушки в артиллерии. В этих родах войск люди большую часть времени находились бок о бок друг с другом; здесь завязывались самые тесные связи, здесь же возникали самые крупные трудности; на эти рода войск возлагались самые тяжелые задачи. С подготовленными таким образом солдатами Германия в 1914 году вступила в войну. Как и миллионы моих соотечественников, я прошел эту войну пехотинцем; к моменту ее окончания я имел три ранения и звание лейтенанта. Я был верен профессии, к которой меня готовили, ее правилам и законам, и остался офицером даже после 1933 года. Во Вторую мировую войну я вступил в звании майора и в должности командира батальона 16-го Ольденбургского авиадесантного полка. Впервые за время войны мы осуществили высадку в ходе Польской кампании, возле Лодзи; затем, 10 мая 1940 года, нас высадили в нескольких сотнях километров позади линии вражеского фронта. Очень скоро я стал командиром этого полка и испытал, какое счастье использовать все свои силы, все знания и опыт, во имя людей, чьи жизни тебе доверили, которых ты любишь, как собственную семью. Я на практике получил представление о правах и обязанностях командира; узнал, что значит защищать и оберегать.

В самом начале этой книги я хочу вспомнить один случай. Это было вечером 12 сентября 1941 года. Днепр был форсирован, шел бой, противник отступал на восток. Я объезжал на машине аванпосты, прикрывавшие полк. Я видел моих солдат, маленькие группки, горстки людей, разбросанные в бескрайней степи, которую окутывала ночная темнота. В тот вечер я заговаривал с каждым; их спокойные, уверенные и полные доверия голоса звучали несколько тягуче и тяжело; я был глубоко взволнован общением с этими превосходными людьми. Многие из них уже рисковали жизнью. В тот момент, когда опускалась ночная прохлада, они стояли на постах, охраняя отдых основной части боевых подразделений, отдохавших в полной безопасности, тогда как они бодрствовали, устремив взоры туда, куда предстояло идти завтра. В этом месте и в этот момент я пообещал себе рассказать о подвигах этих людей. С величайшей простотой они исполняли свой солдатский долг, без всяких политических соображений, имея перед собой единственную цель: служение своей родине³.

Для них, уроженцев Германии, родиной была, в первую очередь, их малая родина. Они верили, что поступают правильно, подчиняясь приказам своих командиров, ведущих их в далекие страны. Нам следует признать, что, вопреки пустившей глубокие корни тенденции, эта позиция нуждается в наши дни в оправдании.

В рамках поставленной перед собой задачи, я попытаюсь решить важную проблему повиновения, которая возникает как в военной, так и в обычной человеческой жизни, то есть определить границы повиновения и власти командования. Эта проблема стала фундаментальной для нашего народа со времени появления Гитлера, но достигла крайней степени по причине многочисленных решений, которые каждому из нас приходилось осуществлять на практике в ходе войны.

³ Которая в очередной раз (до этого перед Первой мировой войной подобные планы были и у германского императора Вильгельма II) решила обеспечить «жизненное пространство для германской нации» – за счет славянских народов Восточной Европы. (Примеч. ред.)

Глава 1. Формирование рейхсвера в мирное время

Рейхсвер и республика

Для того чтобы дальнейшее развитие событий стало более понятным, следует бросить взгляд назад, на период, последовавший за Первой мировой войной. И вот спустя годы, после многих необыкновенных событий, воспоминания о которых начинают заволакиваться дымкой забвения, постепенно вырисовывается история возникновения германского вермахта.

Отречение германского императора, а с ним отречение и всех других монархов⁴ освободили армию от присяги на верность суверену, и этот разрыв с вековой традицией стал причиной ее краха. Кому офицерский корпус и немецкий солдат станут служить в будущем? Новые хозяева республики видели в армии в лучшем случае неизбежное зло, негативного влияния которого на будущее развитие государства следовало всячески избегать. Фактически они признавали, что солдат обязан в первую очередь защищать родину, а не служить какой-либо конкретной форме правления. Как и сегодня, офицер представлял неким пережитком давно прошедшей эпохи, к которому следовало относиться с величайшей настороженностью.

Одной из главнейших заслуг фельдмаршала фон Гинденбурга история назовет то, что он сделал возможным создание новой армии республики из прежней армии, пережившей массовую демобилизацию и отправленной по домам. В момент, когда исчезли все традиционные власти, пример этого человека оказал не только материальную, но и духовную поддержку офицерскому корпусу, по-прежнему готовому взять в руки оружие и исполнить свой долг. Его фигура в какой-то степени заменила фигуру монарха. Пока большинство армии было занято демобилизацией, значительные ее силы еще вели на востоке бои против польской армии Пилсудского, которую мы во время войны позволили сформировать, обучить и вооружить⁵. Наши войска, в чью задачу входила защита границ, состояли частично из старых соединений, частично из добровольцев, влившихся в их ряды. После начала мирных переговоров они использовались земельными и центральными правительствами лишь для поддержания порядка. Подрывные элементы, которые после падения монархии и наступления полного бессилия властей принялись организовывать антидемократическую коммунистическую систему, были, по приказу правительства, подавлены войсками. Если бы солдаты не закрыли собой брешь и не подняли бы знамя разума и порядка, политическим руководителям молодой республики этого бы сделать не удалось.

Против своей воли и вопреки нашим убеждениям мы оказались вовлечены в междоусобную борьбу. Со времени установления республики нам не раз пришлось сталкиваться с серьезными вопросами, волновавшими нашу совесть. Помню частые жаркие споры, которые мы, молодые, вели между собой или со старшими и которые неизменно крутились вокруг следующего вопроса: «Куда все это нас приведет? Может быть, нами плохо руководили? Не сражаемся ли мы, в действительности, за политическую и экономическую систему, нам совершенно чуждую?» И тогда, и после 1933 года мы двигались на ощупь и искали в наших дебатах точки опоры. Генералы с известными именами, такие как Леттов-Форбек⁶, Маркер, Лютвиц,

⁴ Образованная в 1871 г. Германская империя включала в себя несколько королевств (Баварию, Саксонию, Вюртемберг), великих герцогств, герцогств, княжеств и вольных городов, сохранивших определенную степень автономии, но подчиненных самому крупному и мощному германскому государству – Пруссии, король которой стал германским императором. (*Примеч. пер.*)

⁵ После Первой мировой войны Пилсудский сменил хозяина, став клиентом Франции, после чего начал кусать прежних благодетелей. (*Примеч. ред.*)

⁶ Леттов-Форбек – герой боев Первой мировой войны в Восточной Африке. (*Примеч. ред.*)

командовали нами и указывали, что наш долг, невзирая на форму правления, – защищать существование нашей родины от внутренних и внешних врагов. Поэтому позднее нам казалось совершенно необъяснимым, почему этим генералам, действовавшим по приказу правительства и обеспечившим его выживание, оплатили самой черной неблагодарностью, доходившей до вываливания их имен в грязь, а то самое правительство, которое было им всем обязано, даже не пыталось их защитить.

Все, принимавшие участие в гражданских боестолкновениях 1919–1923 годов, сохранили о них самые печальные воспоминания. Ни один солдат не может желать того, чтобы оказаться, по приказу правительства, вовлеченным в борьбу против своих же соотечественников. Сердце его должны терзать самые мучительные сомнения. Должен ли он отказаться повиноваться, если находится на службе и связан дисциплиной? Может ли позволить себе самостоятельное решение, которое способно увести его с пути долга, притом что он далеко не всегда в состоянии правильно оценить политическую ситуацию, тайные цели и скрытые мотивы? Для нас, молодых, особенно обидным казалось видеть то, что любое решение отвергалось инертным большинством и что среди безвольных людей, испытывавших на себе давление обстоятельств, лишь две группы еще были готовы сражаться за идею: с одной стороны, германские солдаты, а с другой – их заклятые враги, коммунистические отряды, ведущие гражданскую войну. И именно в их рядах мы встречали вчерашних товарищей. Помню одного из самых энергичных среди них, бывшего фельдфебеля одного саксонского полка, с которым я столкнулся при весьма неудобных обстоятельствах – во время уличного боя. На нас обоих были одинаковые ленточки: на нем – медали военного ордена Святого Генриха, на мне – Рыцарского креста того же ордена. Вручались эти награды крайне редко, лично королем Саксонии. Смутившись от того, в каких условиях приходится жить и при каких обстоятельствах довелось встретиться, мы пожали друг другу руки. В нас жило выкованное в боях чувство принадлежности к одному целому, и разрыв этого целого наполнял нас грустью.

Весь рейхсвер пережил тот же разрыв. Было бы ошибочно считать, что армия смотрела на свою задачу только с военной точки зрения. Молодые офицеры не могли уйти от вопроса: для выгоды какой политической и экономической силы они должны и дальше нести тяжесть борьбы? Окажутся ли те, кому достанутся плоды этой борьбы, достойными пролитой нами уже после Первой мировой войны крови? И давайте вспомним, что эти годы политических волнений совпали с периодом чудовищного экономического спада и постоянно увеличивавшейся нищеты, от которой офицер страдал точно так же, как любой другой немец.

В сравнении с этим крайне напряженным периодом, мы совсем иначе смотрели на времена монархии. Она не заставляла нас стрелять в наших же соотечественников. А республика теперь требовала от нас исполнения этой жестокой обязанности, что не могло сделать этот институт привлекательным в наших глазах, но мы принесли ей присягу на знамени, конечно, без всякого энтузиазма, но с убеждением, что, когда речь идет о самом существовании рейха, мы не должны торговаться о цене своей помощи. Эта клятва часто давила на нас всей своей тяжестью.

Хотя нам приходилось считать Эберта, первого рейхс-президента, прямым и законным преемником монархии, мы не испытывали никакой симпатии и никакой сердечности к этому главе нового государства, который взвалил на наши души такую тяжкую ношу. В наших глазах он принадлежал к числу тех, кто методично готовил революцию и совершил ее в тот момент, когда Германия находилась в крайне тяжелом положении. Позднее мы научились его уважать, хотя все равно не могли смотреть на него как на представителя всего немецкого народа. Военный министр социал-демократ Носке был человеком более прямым и легким в общении, сумевшим завоевать симпатии молодых офицеров. Он был первым гражданским лицом на этом посту, что стало новшеством в истории германской армии. Это был надежный человек, стоявший выше партийных догм и заботившийся о сохранении рейха. Его деятельность сыг-

рала решающую роль в период, когда жизнь государства облекалась в новые формы. Не могли мы отказать в уважении и его преемнику Гесслеру. Это был человек замечательного гражданского мужества, которому пришлось использовать разные пути для преодоления бесчисленных преград, стоявших на пути рейхсвера. Ему досталась непростая задача. Он оказался между двух сил: с одной стороны генерал фон Сект, который, сознавая свое значение и превосходство в военном деле, пользовался доверием армии, и с другой стороны – различные партии, боровшиеся друг с другом и стремившиеся раздуть малейшие инциденты, случавшиеся в армии, чтобы использовать их в своих собственных целях. Кроме того, министр отвечал перед иностранными державами за соблюдение ограничений, навязанных версальским диктатом.

Если мы бросим взгляд назад, на этот период и на его последствия, то нам придется признать, что, вне всяких сомнений, сохранявшееся взаимное непонимание между рейхсвером, с одной стороны, и крупными массовыми партиями, их вождями и республиканской формой правления, с другой, стало одним из наиболее пагубных явлений той эпохи. Поскольку страна тогда еще не располагала полицейскими силами, новые политические лидеры использовали новый рейхсвер в борьбе против террористов, не признавая при этом его право на существование как чисто военного института и не солидаризируясь с ним. Со своей стороны, солдат сохранял по отношению к политическому руководству холодность и отстраненность. В эти смутные времена горечь, вызванная поражением в вой не, слишком часто обращалась против республиканской формы правления, родившейся из этого поражения. Лишь очень немногие смогли, благодаря холодному, трезвому расчету, разобраться в сути событий, в силах, участвующих в них, в складывающихся ситуациях, смогли понять, что для Германии единственным способом возродить свою мощь и величие является терпеливая повседневная, лишенная внешних эффектов работа. Бесполезно искать виноватых. Без сомнения, обе стороны совершали ошибки, о которых можно было бы много рассказать. Для молодого солдата воспоминания о блеске, о ярком расцвете императорской Германии представляли сентиментальную ценность, много бóльшую, чем темный и трудный путь, по которому шла республика, двигаясь на ощупь в тумане времени; и тем не менее он служил ей верно.

Когда мы еще были вовлечены в борьбу, когда рейх проводил то, что называли экзекуцией Саксонии⁷, из хаоса голосов политиков впервые возникло имя, которое для нас, саксонцев, было практически неизвестно. Человек по имени Адольф Гитлер организовал путч в Мюнхене, и, по ходившим слухам, в нем приняли участие солдаты. Впервые, поскольку Капповский путч привел к серьезным столкновениям лишь в немногих местах и завершился неудачей, национальная оппозиция показала, что готова выказать по отношению к загранице бóльшую твердость и бóльшую решительность, чем раньше. Нашелся по крайней мере один человек, который говорил солдатским языком и которому была безразлична судьба рабочих, то есть наших боевых товарищей, впавших в нищету. Из Баварии он бросил призыв восстановить такие ценности, как добросовестный труд, гордость за страну и доблесть.

Наш кавалерийский полк ожидал приказа выступить в Баварию против этого движения. Наш командир, которого мы обожали, и мы, молодежь, вновь столкнулись с мучившим нас вопросом: должны ли мы подчиниться и, возможно, стрелять в своих товарищей, во всяком случае, в таких же немцев, как мы? Мы испытали настоящее облегчение, когда узнали, что Мюнхенский путч провалился, и нам не придется принимать тяжелое решение.

Этот Мюнхенский путч положил конец гражданской войне и всеобщим раздорам. В это время в оборот была введена новая валюта, и скоро политическая ситуация в Германии стабилизировалась. В рейхсвере установилось полное спокойствие. До того момента некоторую роль

⁷ Имеются в виду события 1923 г. В Саксонии было сформировано правительство левых социал-демократов и коммунистов; начали создаваться вооруженные отряды. В середине октября центральное правительство перебросило к границам Саксонии 60 тысяч солдат. 21 октября части рейхсвера заняли Лейпциг, Дрезден и другие центры Саксонии. Левое правительство было свергнуто, начались репрессии против коммунистов. (Примеч. пер.)

играли фрайкоры⁸, не совсем освободившиеся от духа авантюризма. Под руководством по-прежнему уверенного в себе фон Секта армия стала развиваться, сосредоточившись на себе. Нам больше не приходилось с недоверием и ужасом слышать новости о восстаниях и грабежах. Мы избавились от страха оказаться втянутыми в бои немцев против немцев. Мы могли подумывать о себе, о своей истории и, главное, о задачах, которые после продолжительного кризиса ложились на армию оздоровившейся родины.

Мы втайне были рады тому, что события, происходившие с 1918 по 1923 год, с их неясностью и неуверенностью, отвратили нас от политики, теперь еще больше казавшейся нам миром, от которого следует держаться подальше, если хочешь оставаться прямым и порядочным человеком, и сблизил нас с генералами, чей авторитет по окончании гражданской войны еще оставался незыблемым. Сильная личность, генерал фон Сект, повел нас по пути, исключавшему занятия политикой. В то время, когда рейхсвер подвергался со всех сторон самой ожесточенной, зачастую несправедливой критике, этот человек являлся для нас воплощением всего того, в чем мы нуждались и на что надеялись. Для нас это был абсолютно надежный вождь, совершенно уверенный в себе; это было видно по его взглядам, по манере поведения и по всему внешнему облику. Он прекрасно знал солдата, был справедливым и по-своему доброжелательным, хотя никогда не проявлял никакого добродушия. Нам казалось, что ему известны все наши заботы, что он их разделяет, а растерявшиеся молодые офицеры, не знающие, по какому пути им идти, всегда могут обратиться к нему за советом. Кроме того, мы знали, что во время войны он, служа в Генеральном штабе, прекрасно проявил себя в решающие моменты. После всех этих боев против своих сограждан, после всей этой неопределенности он спас нас, просто окунув в реалии службы и требуя простых, ясных отношений, как во времена монархии. Следует особо подчеркнуть тот факт, что возвращение к старым традициям напомнило нам о ценностях, стоящих на много ступеней выше обычной служебной рутины. От лет братоубийственных войн у нас сохранился сильный страх перед тем, что нас могут вновь бросить против нашего же народа. Мы старались как можно меньше контактировать с придерживавшимися традиционно-патриотических взглядов правыми партиями, с объединениями бывших фронтовиков и организациями вроде «Стального шлема», поскольку в этой среде таились зерна будущих раздоров, могущие вывести нас на уличные бои новой гражданской войны. Деполитизировать рейхсвер, не занимать ни благожелательную, ни враждебную позицию по отношению к любым политическим партиям – именно в этом направлении нас вел фон Сект. Офицерский корпус не желал ни изучать, ни отслеживать политические события во всей их сложности и с их скрытыми мотивами; по крайней мере, это относилось к молодым офицерам, к числу которых принадлежал и я.

Поскольку у военных все просто, то и забота о поддержании традиций тоже приобрела очень простые формы. Мы учили солдат истории полка, в который входила их рота. Большую роль в ротных и эскадронных праздниках играли украшавшие казармы памятные предметы и изображения, а главное, яркая военная форма прошлых лет.

Однако гораздо важнее внешних форм было поддержание и передача принципов, унаследованных от императорской армии и призванных сформировать интеллектуальные и моральные ценности новой армии. Неизменно строгие представления об офицерской чести, старание офицеров защитить своих солдат от произвола, формирование цельных и неподкупных характеров, уважение к женщине – все эти качества, воспитывавшиеся на протяжении многих поколений, передавались новой армии, и любое покушение на них воспринималось как нечто совершенно недопустимое.

⁸ Фрайкоры – добровольческие военизированные формирования, в период становления Веймарской республики сражавшиеся против вооруженных формирований левых в Германии и против польских войск, пытавшихся расширить территорию новообразованного Польского государства за счет исторических польских земель, оставшихся в составе рейха. (*Примеч. пер.*)

Избрание Гинденбурга рейхспрезидентом вовсе не стало для нас политическим вопросом. Оно показалось нам естественным проявлением всенародного почитания этого человека. Когда он стал во главе государства, у нас появилось ощущение, что с ним вернулись внутреннее спокойствие, единство и безопасность, позволявшие надеяться на дальнейшее развитие в более здоровых условиях. Вне всяких сомнений, многие из нас видели в Гинденбурге не просто президента республики, но также, в глубине души, военачальника и представителя по-прежнему дорогой нашему сердцу монархии.

Связи с границей

Естественно, мы отлично знали слабые стороны рейхсвера и сталкивались с ними ежедневно. По правде говоря, рейхсвер очень скоро оказался готов и к наступательным действиям, хотя, в принципе, рассматривался как маленькая армия с чисто оборонительными задачами. В соответствии с нашей профессией, сначала по велению души, а затем сообразуясь с полученными приказами, каждый из нас занял позицию по отношению к другим странам. Первое место в наших мыслях занимала Франция. Я настаиваю на том, что рейхсвер никогда не рассматривал ее как наследственного врага. Эта страна, которая в ходе прошлой войны понесла такие потери⁹, пролила столько крови и сражалась с таким невероятным мужеством, в наших глазах выглядела скорее тяжело раненным товарищем по несчастью, чем вызывающим зависть победителем. У многих из нас во Франции завязались в ходе войны человеческие связи. После ее окончания она снова стала желанной целью путешествий. Все это сформировало чисто немецкую традицию не рассматривать войну как преступный акт нескольких политиков, коалиций и народов, но видеть в ней мрачную и тяжелую судьбу, выпадающую на долю наций, и в первую очередь солдат; при этом она не должна порождать ненависть к противнику. Нет, к Франции в армии не было ненависти, как не было и зависти, поскольку жизнь французов тоже была нелегкой и Франция также проходила свой крестный путь.

Наши чувства к англичанам были более прохладными. Конечно, их оккупационные войска вели себя более корректно и сдержанно, чем французские. Также Англия никак не участвовала в оккупации Рура и действовала умеренно, когда встал вопрос о рурском сепаратизме. Но факт остается фактом: мы, молодые, жившие вне оккупированных зон, чувствовали больше симпатий к французам, благодаря их любезности в отношениях и нашему соседству на континенте, чем к англичанам, более отстраненным, более холодным и более замкнутым.

В отношениях с Россией мы продолжали политику, умело проводившуюся Бисмарком и сохранявшую линию, существовавшую на протяжении целого века. Наше военное командование имело сильную склонность к сотрудничеству с Россией, в чем следовало общей тенденции правительственной политики. Действительно, Россия стала первым крупным государством, заключившим по всей форме равноправный договор с Германией¹⁰. Большевицкая Россия также стала первым государством, гарантировавшим рейхсверу прямую техническую поддержку, позволив ему создать на своей территории авиационные школы и предприятия и набираться опыта в танковых школах. Если я не ошибаюсь, то вскоре после этого германский посол в Москве в беседе с Чичериным высказался следующим образом: «Господин министр, мы должны помогать друг другу». К России мы относились как к боевому товарищу, хотя наши отношения с ней оставались сугубо техническими и практическими, поскольку мы полностью отвергали ее политическую систему.

В целом рейхсвер совершенно не помышлял об агрессии. Он не хотел войны. Когда в 1923 году французы оккупировали Рурскую область, начался новый период напряженности. Молодежь из всех классов общества хлынула добровольцами в казармы и стала ждать, что правительство примет эффективные меры. Но военное командование, зная, что такое война, и прекрасно понимая бесперспективность войны с превосходящей французской армией¹¹, принципиально отказывалось разделять подобные идеи. В такой обстановке были воспитаны своими начальниками будущие генералы Гитлера, служившие тогда в штабах рейхсвера капитанами

⁹ Франция при населении 39,7 млн человек в 1914 г. в ходе войны потеряла убитыми 1,4 млн солдат и офицеров, тогда как Германия, имевшая в 1914 г. население 67,5 млн, – несколько более 2 млн солдат и офицеров убитыми. (Примеч. ред.)

¹⁰ Имеется в виду Рапалльский договор 1922 г. (Примеч. ред.)

¹¹ До конца 1939 г. сильнейшей сухопутной армией Европы и мира. (Примеч. ред.)

и майорами. Рейхсвер не был армией агрессии; он не мог и сознательно не хотел становиться такой армией. Так что его можно определить как армию, созданную для мирного времени. Этим отчасти объясняется возникшее позднее у части офицерства негативное отношение к планам Гитлера начать новую войну, которое они часто выражали открыто.

Отношение к Версальскому договору

Рейхсвер, естественно, жил в том же моральном климате, что и вся нация, и его отношение к Версальскому договору, в ту пору центральному вопросу внешней политики, было таким же, как и у большинства немецкого народа. Договор этот был принят лишь после трудной борьбы, многочисленных, но напрасных протестов, высказывавшихся правительством рейха, и отказа держав-победительниц от любых уступок; известно, что до самого последнего момента они были уверены, что он не будет подписан. Итак, народ, а вместе с ним рейхсвер никогда не смирились с законностью договора и считали, что он оскорбляет их, будучи диктатом. Народная позиция выразилась в лозунге, сформулированном в то время оппозиционными партиями, которые называли этот договор «позорным диктатом». Эти партии, внешне присоединившиеся к «политике исполнения», в действительности поступили так лишь для того, чтобы добиться смягчения и уничтожения наиболее суровых статей. Эта политика основывалась не на принятии духа договора, а на понимании факта, что нет другого выбора, кроме как уступить давлению держав-победительниц, поскольку ничего лучшего в сложившихся обстоятельствах сделать было невозможно. Результатом договора стало то, что с самого момента вступления в силу немцы, так часто разделенные, полностью объединились по этому вопросу, даже если их мнения относительно того, что следует делать, расходились. Военные статьи Версальского договора накладывали на нас жесткие ограничения как относительно численности, так и организации армии. Во-первых, обязательная двенадцатилетняя служба и ограничение численности рейхсвера ста тысячами человек исключали возможность регулярного призыва немецкой молодежи на воинскую службу. Кроме того, этим оставшимся в строю ста тысячам военнослужащих запрещалось иметь такое современное вооружение, как танки, противотанковое оружие, тяжелая артиллерия и любая боевая авиация. Вследствие этого непропорционально в сравнении с другими родами войск возросла роль конницы. Наконец, нам было категорически запрещено иметь орган, являющийся мозговым центром всякой армии, – Генеральный штаб.

Среди немцев, и так не склонных соглашаться с тем, что вся вина за войну возлагалась на них одних, договор вызвал всплеск националистических чувств, которого сами они совершенно не желали. Из-за многочисленных невыполнимых условий народ не воспринимал всерьез договор, который должен был обеспечить ему долгий период мирной жизни. Люди постоянно спрашивали себя, действительно ли этот документ призван способствовать безопасности народов. В то время, как и сегодня¹², встает вопрос: может ли военная пустота в сердце Европы гарантировать мир, или же, напротив, она возбуждает желание более сильной соседней державы пуститься в военную авантюру?

Подобные размышления были частыми в армейской среде. Старшие офицеры высказывались за то, чтобы считать подписанный мирный договор окончательным и исполнять его условия. Но, с другой стороны, рейхсвер не мог смириться с навязанными ему унижительными ограничениями. Иначе и быть не могло. На занятиях по подготовке личного состава на висевших в казармах плакатах внимание солдат обращалось на временный характер ослабления нашей военной мощи. Мы сравнивали наши семь легких дивизий, среди которых преобладала кавалерия, вооруженная, как в старину, пиками, бесспорно живописными, но абсолютно бесполезными в современном бою, с тем, что происходило в соседних странах. Чехословакия создавала армию, вооруженную и снаряженную по-современному. Польша имела мощные вооруженные силы у наших восточных границ. Что же касается французской армии, она уже находилась на нашей территории, ее многочисленные оккупационные войска находились в демилитаризованной зоне вдоль наших западных границ, созданной согласно особым условиям договора.

¹² Начало 1950-х гг. (Примеч. пер.)

С учетом ситуации, нам казалось бесспорным наше право искать способы сделать эти условия менее тяжелыми. Я не хочу подробно останавливаться здесь на вопросе, почему Версальский договор не учитывал элементарные интересы нашей страны, вытекавшие из ее географического положения. Ограничимся рассказом о том, что о нем в то время думали в рейхсвере.

Мы, офицеры, считали нетерпимым существование в долговременной стратегической перспективе Польского коридора, отрезавшего Восточную Пруссию от основной территории рейха, что вызывало у нас чувство национального унижения. Если бы нас попросили назвать нашу главную политическую или неполитическую цель, мы бы, скорее даже бессознательно, чем обдуманно, сказали бы: уничтожение этого коридора и воссоединение Восточной Пруссии с рейхом. Мы считали создание данного коридора наибольшей опасностью для нашего государства, угрожавшей самому его существованию, поскольку понимали желание вновь созданного Польского государства получить свободный выход к морю, находящийся под его суверенитетом. История и география учили нас тому, что это требование полностью оправдано. На конференциях и в работах, поручавшихся нам в качестве заданий нашими начальниками, мы часто разбирали эти сложные вопросы. Однако я не могу припомнить, чтобы строевые офицеры или штабисты рассматривали войну в качестве решения проблемы, поскольку в наших дискуссиях речь всегда шла об обороне Восточной Пруссии в случае возможного внезапного нападения Польши.

Рейхсвер – кадрированная армия

Должен ли рейхсвер стать кадрированной армией, то есть основой для развертывания в будущем больших по численности вооруженных сил? По этому вопросу не существовало единого мнения ни в штабах, ни в войсках, даже на ротном уровне. Нельзя сказать, что существовала инструкция готовить лучших унтер-офицеров к занятию офицерских должностей; для этого следовало бы ограничить прием новобранцев выходцами из определенной категории немецкой молодежи, поскольку от них требовалось в первую очередь наличие необходимого уровня образования и только потом качеств, обязательных для командира. Зато я помню дискуссии, имевшие место в батальонах и полках, где часть офицеров открыто отдавала предпочтение деревенским парням, с ранних лет привыкшим ухаживать за лошадьми, или, если речь шла о пехоте, с радостью брали ремесленников, тогда как другие командиры выделяли из желающих поступить на службу тех, кто при благоприятных обстоятельствах мог бы выйти из офицеры. Приказа, который бы давал четкий ответ на эти вопросы, я ни разу не видел.

Однако, если бы эти 100 тысяч человек за двенадцатилетнюю службу выполняли одни и те же обязанности не более двух лет подряд, они получили бы такую разностороннюю подготовку, что стали бы превосходными инструкторами, младшими офицерами и специалистами. Эти солдаты разделялись по категориям, в которых они продвигались вверх в зависимости от полученных результатов, как в академии. Эта почти школьная система была результатом навязанных ограничений и двенадцатилетнего срока службы. Отбор офицеров для стотысячной армии происходил из числа представителей большой императорской армии на основании мнения их непосредственных начальников. Естественно, что иногда в расчет принимались и экономические факторы. В последние годы существования рейхсвера мы часто задавались вопросом, достаточно ли среди его офицеров тех, кто проявил себя настоящим воином. Присутствие в рядах армии таких офицеров считалось необходимым в период беспорядков, когда же наступили спокойные времена, то, как это часто бывает, они стали неудобными подчиненными и не пользовались в недавно сформированном рейхсвере тем уважением, которое заслуживали своими способностями. Когда сегодня мы оглядываемся назад, то видим, что наши критические взгляды были верными: в армии тогда оказалось слишком много молодых офицеров того типа, к которому относятся офицеры свиты, порученцы и адъютанты, сотрудники высоких штабов, – умных, образованных, изящных, элегантных. Вследствие этого позднее высказывались опасения, что армии угрожает опасность потонуть в схоластических теориях. Характер, гражданское мужество, поиск собственных идей молодых офицеров ценились заслуженно высоко, а вот многие их критические замечания отвергались из-за того ироничного оттенка, который эти молодые офицеры им придавали. При этом критика, бесспорно, была необходима для жизни и развития армии, хотя и создавала стесняющую напряженность. Конечно, начиная с уровня командира батальона ощущалось вполне объяснимое желание продвижения по службе, затрудненного из-за небольшого количества вакансий и большого числа соискателей, способных их занять, что всегда плохо; лучше, когда бывает наоборот. На мой взгляд, тот выбор, что делали в армии, не всегда был удачным.

В тактическом отношении армия была подготовлена ко всем видам боя. В зависимости от военной обстановки, которая навязывалась нам политикой, главным в тактической подготовке по обороне было то, что называлось отложенным сопротивлением и на практике означало отступление вплоть до введения в действие свежих сил, существовавших только на бумаге. Затем речь шла о выделении соединений, объединенных под названием «Фюрунг унд Gefехт» (Führung und Gefecht, FuG), то есть «Командование и Бой». При планировании учитывался военный опыт. Складывалось такое ощущение, что командование изо всех сил стара-

ется преодолеть стереотипы, созданные позиционной войной, и утвердить устаревшие принципы, изложенные схематически, в почти бюрократической манере, в уставах других армий.

Общество и спорт

Хотя офицерский корпус рейхсвера образовывал очень узкий круг, насчитывавший всего четыре тысячи человек, он оказывал удивительное влияние на немецкое общество. Большинство полков стояли гарнизонами в маленьких городах; они имели там официальные казино и часто образовывали единый светский круг, способный организовывать массовые празднества и приемы. Собственные оркестры превращали их в центр развлечений, и, главное, в них служили прекрасно воспитанные молодые люди, спортивные, элегантные, отличные танцоры, способные вести светскую беседу, соединявшие беззаботность юности с серьезностью военных. Такое редкое сочетание различных качеств во все времена и во всех странах привлекало к офицерам женские сердца. Офицерское казино становилось не только местом сбора молодежи, в нем завязывались тесные связи с промышленниками и с университетскими преподавателями.

Существовали различия, обусловленные разницей обстоятельств и провинций. В кавалерии общий тон был несколько более вольным, чем в других родах войск. Кавалерийский офицерский корпус в огромном своем большинстве состоял из представителей прежде независимого класса; но следует особо подчеркнуть тот факт, что во многих гарнизонных городах, возможно даже, в большей степени в тех, где стояли пехотные части, и удаленных от крупных центров, шла насыщенная интеллектуальная жизнь. В кружках видные ученые читали лекции, приходили в гости известные деятели культуры; там всегда был обширный выбор лучших журналов. Поэтому молодому лейтенанту приходилось делать весьма крупные траты из своего скромного жалованья.

Однако военные не довольствовались тем, чтобы вести легкую и беззаботную жизнь избалованного ребенка нации. Хотя наша боевая учеба оставалась аполитичной, мы никогда не были совершенно оторваны от жизненно важных для Германии вопросов. Мы с большой тревогой отмечали, что после нескольких лет подъема в немецкой экономике начался спад, число безработных постоянно росло, а немецкая молодежь, пребывая в вынужденном безделье, все чаще задумывалась о прошлых временах. Мы видели, что все более многочисленные толпы устремляются на призывные пункты, желая вступить в рейхсвер. Борьба с нищетой не входила в наши прямые обязанности, но мы всюду занимались благотворительностью в форме различных мероприятий, театральных постановок и т. д., приносящих крупные суммы и помогавших облегчать жизнь бедняков. Сознавая собственное привилегированное положение, мы чувствовали обязанность проявлять понимание и сочувствие и вести себя скромнее.

Поскольку солдаты, взятые в армию на долгий срок, не могли проводить все время за боевой учебой, рейхсвер побуждал их заниматься спортом. В пехоте основное внимание уделялось атлетике, в которой была достигнута высокая степень совершенства. Создавались военные спортивные общества, соревнования рождали в ротах дух состязательности. В период, когда пост начальника войскового управления занимал генерал-полковник Хейе, даже организовывались матчи с гражданскими клубами. Были роты, которые годами удерживали среди местных команд первенство по гандболу и футболу. Дело зашло так далеко, что командиры и организаторы этих спортивных обществ отказывались от повышения по службе, чтобы сосредоточиться на спорте.

Кавалерия и артиллерия в основном занимались конным спортом и добились в этом впечатляющих успехов. На более высоком уровне устраивались карусели¹³ и командные соревнования, часто организовывавшиеся совместно с провинциальными конно-спортивными клубами и клубами крупных городов. Большие праздники устраивались на конных заводах,

¹³ Здесь: военные конно-спортивные состязания, появившиеся еще в XVI в. в качестве замены более опасных рыцарских турниров. (Примеч. пер.)

например в Ферден-ан-дер-Аллер, где соревнования продолжались восемь дней. Постоянная изоляция, навязываемая службой, была, таким образом, прорвана. Влияние спорта положительно сказывалось во всем и поднимало рыцарственный дух армии на самую высокую ступень. Организация светских мероприятий, следовавших за конными состязаниями, сближала офицеров и их жен с местным обществом. Победителей таких состязаний на протяжении многих дней чествовали как молодых королей, что увеличивало их гордость за победу, а также их уверенность. Спортивные команды и группы всадников выезжали за границу, где поддерживали репутацию армии и, главное, реноме Германии. Статьи в зарубежной прессе изучались очень внимательно и оценивались высоко. Наконец, эти поездки рассматривались как крайне желательные и поощрялись министерством иностранных дел. Так что поездки групп, составленных из молодых военных, всегда оставляли после себя хорошее впечатление. Наши лучшие наездники путешествовали за границу со своими чистокровными лошадьми, повсюду стараясь обеспечить победу германскому флагу. В те времена у нас появилось много имен, получивших мировую известность.

Живо приветствовался приезд в Германию иностранных групп и команд. В военно-спортивной школе в Вюнсдорфе и в бывшей кавалерийской школе в Ганновере военная молодежь других стран встречалась с нашей. Проходили состязания высокого класса, на которых царил дух прекрасного товарищества. Мне кажется, ни один гость не покинул Германию недовольным. В ходе этих празднеств и соревнований часто завязывались прочные товарищеские и дружеские связи.

Когда заканчивались маневры, и наши кони отправлялись отдыхать, у солдата начиналось счастливое время. На довольно короткий период служба превращалась в спорт, все мысли обращались к псовой охоте. Из конюшен выводились хорошие скаковые лошади. Во многих гарнизонах держали своры охотничьих псов. По традиции сезон охоты открывали лучшие наездники под руководством офицеров. По землям, одевшимся в яркий осенний наряд, скакали, часто сильно рассредоточившись, всадники. Кони перепрыгивали через заборы, рвы и изгороди. В наиболее опасные моменты охотники собирались группой. Веселые наездники переводили дыхание, когда, добравшись до цели, слышали сигнал труб об окончании охоты. В конце сезона каждый узнавал от товарищей, смело ли он преодолевал препятствия или же больше думал о собственной безопасности и берег себя. Псовая охота оказывала большое влияние на боевую подготовку. Умение управлять лошадью, соединенное с невероятной смелостью всадника, порождало рыцарский дух, который мне всегда казался более важным, чем вся военная теория, почерпнутая из книжек. Человек более старшего возраста мог при этом испытать свои физические силы и посмотреть, способен ли он еще служить примером для более молодых, или ему лучше уйти и уступить место новичкам. По завершении охотничьего сезона, который никогда не обходился без падений и серьезных травм, из министерства регулярно приходили циркуляры, напоминавшие о понесенных потерях и требовавшие ограничить псовую охоту. Не только мы, молодые, но и наши командиры, страстные наездники, с улыбкой отвергали эти запреты. Такие групповые конные упражнения были бесценны, поскольку в псовой охоте с большим энтузиазмом участвовали не только офицеры, но также унтер-офицеры и даже рядовые кавалеристы. Даже сегодня, 3 ноября, в день святого Губерта, я получаю со всех концов Германии письма от людей, с которыми я проводил счастливые осенние дни на псовой охоте.

Признаюсь, даже во время войны, когда появились более трудные и неотложные задачи, я считал псовую охоту одним из наиболее эффективных средств завершения подготовки молодого офицера. В такие моменты солдат должен без всяких задних мыслей чувствовать себя счастливым; как только он садится в седло, он должен забывать все жизненные трудности, все превратности службы, все прошлые тревоги. И при этом он все равно должен оставаться рыцарем, думающим исключительно о выполнении приказа, а не о том, как спасти собственную

жизнь. Уравновешенный и мыслящий человек нужен даже в эпоху танковых сражений и господства на поле боя техники. Думаю, что эта цель была достигнута.

Глава 2. Армия и национализм

Переходный период

Период после Первой мировой войны во многих отношениях похож на сегодняшний. В частности, тем, что у тогдашней молодежи тоже было ощущение, что она живет в период времени абсолютно вне истории и в какой-то духовной анархии. Совсем иначе чувствовали себя молодые офицеры, нашедшие в создателе рейхсвера, генерал-полковнике фон Секте, подлинного вождя и безоговорочно принимавшие его в качестве безусловного авторитета во всем: в политике, в боевой подготовке или в образовании. Наше доверие к нему было безграничным, и на этом основывалось его огромное влияние. В годы политического кризиса, когда началась борьба за власть, армия нашла поддержку в самом этом доверии, но постепенно стала воспринимать посторонние влияния.

При двух непосредственных преемниках Секта, генерал-полковнике Хейе и фрайхерре¹⁴ фон Хаммерштейне, армия перестала жить, полностью замкнувшись в себе, о чем позже свидетельствовало дело Ульмского полка (Шерингер и Людин)¹⁵. Постоянная угроза с востока ясно обозначилась с возрождением активности поляков и чехов; к ней следовало прибавить становившуюся все острее боль от существования коридора, отрезавшего от рейха Восточную Пруссию и бывшего постоянным источником политической напряженности; а еще обоснованную тревогу из-за усиливавшейся в стране оппозиции правительству Брюнинга, которое в то время вело с западными державами переговоры об очень умеренных уступках с их стороны в военной сфере.

В это же самое время усиливалась пропаганда национал-социалистов, которые благодаря патриотической риторике и умелому использованию психологии масс приобретали все большее влияние на весь народ. Их успеху способствовал пример других стран: Италии, Испании, Турции, Польши, в которых новая авторитарная система оказывала воспитывающее воздействие на массы и, казалось, вела к невиданному экономическому процветанию и росту международного влияния этих стран.

Борьба против германской коммунистической партии, руководители и политические цели которой, в чем не было уже никаких сомнений, полностью зависели от Москвы, рассматривалась как совершенно оправданная. Сегодня, то есть через двадцать с лишним лет, чересчур легко забывается, что в тот момент, когда росло число безработных и предъявлялись требования выплаты непомерных репараций, идея борьбы против влияния восточного коммунизма, о которой впервые заговорили не как о классовой борьбе, а в более привлекательных терминах, вроде «народного объединения», вызвала мощный отклик, в первую очередь среди молодежи, а ее практическим следствием стало ослабление порядка.

После отставки фон Секта символом единства для армии стал старый фельдмаршал фон Гинденбург. Он продолжал пользоваться репутацией военного вождя, поскольку никто не знал о старческой немощи, мало-помалу овладевавшей им. После свержения монархии не хватало власти, независимой от повседневной политики. В отсутствие выдающейся личности, даже

¹⁴ Фрайхерр – имперский титул, аналогичный титулу «барон». (Примеч. ред.)

¹⁵ Лейтенанты 5-го Ульмского арtpолка Рихард Шерингер и Ханс Людин и обер-лейтенант Ханс Вендт, симпатизировавшие НСДАП, занимались пропагандой в своей воинской части идей национал-социализма, тогда как любая политическая деятельность в рейхсвере была запрещена. 10 марта 1933 г. молодые офицеры были арестованы и в сентябре того же года преданы суду по обвинению в подготовке военного переворота. 7 ноября обвиняемые были приговорены к 18 месяцам тюремного заключения. (Примеч. пер.)

дела на Бендлерштрассе¹⁶ медленно подпадали под влияние борющихся партий. Если на нас, служивших в строевых частях, происходящие события не производили сильного впечатления, у высшего командования они вызвали чувство неуверенности, которое ему не удавалось скрывать. И тогда армия, до того намеренно остававшаяся аполитичной и полностью подчиненной власти военных начальников, заинтересовалась политическими вопросами, не побоялась занять позицию, перестала быть во всем единой, и с тех пор, даже если она не признавалась в этом самой себе, все уже было не так, как прежде.

¹⁶ То есть дела военного министерства, здание которого находилось на этой улице. (*Примеч. ред.*)

Потсдам и путч Рёма

День взятия власти национал-социалистами застал армию в напряженном ожидании того, что ей принесет вся эта суматоха. У всех нас было впечатление, что мы присутствуем при каком-то эксперименте, которому мы желали успеха и который считали своим долгом поддерживать, чтобы вырваться из лап авантюристов, провалившихся, как говорили, в своих попытках покончить с экономическим кризисом, в то время как мы желали более стабильной ситуации в стране. Мы полагали, что люди нашего круга вступали в партию с намерением своим влиянием направить ее политику в более умеренное русло. Кроме того, народ, не принимавший культ голой наживы и уставший от нищеты, сплотился в своем желании экономического и социального возрождения. Конечно, Гитлер получил на выборах менее половины голосов избирателей, но мы видели также, что враждебные ему массовые партии и крупные организации не оказали действенного сопротивления и что невозможно было больше призывать к всеобщей забастовке, как было в дни Капповского путча. Мы видели, что органы управления – рейхстаг, правительства отдельных земель и всего рейха, даже сам рейхспрезидент уступили. Мы видели – и это четко выделялось первым планом, – что две мощные идеологии современности, социализм и национализм, объединялись в гитлеровском движении.

Однако если мы хотим оставаться объективными, то не должны судить о тогдашней ситуации с сегодняшних позиций. В начале Третьего рейха огромное большинство немецкого народа не предчувствовало опасности моральной и культурной деградации; оно не предвидело войну, которая потрясет весь мир; и оно никоим образом не могло ничего этого предвидеть, вопреки попыткам современной пропаганды уверить нас в обратном.

Мы не ищем здесь доводов, которые бы послужили нам извинениями. Когда хочешь изучать и оценивать намерения и действия людей, надо, прежде всего, поместить их в те исторические рамки, в мир, который они знали, во времена, в которые они жили. Это мы и пытаемся сделать в том, что касается вермахта. Тем не менее мы убеждены, что сегодня эта цель может быть достигнута только усилиями памяти, мысли и совести.

Нельзя упрекнуть немецкий народ за то, что он смотрел на день Потсдама¹⁷ как на синтез старого и нового времен, а не как на слишком хорошо знакомую мизансцену. Потом политические события пошли, казалось, по-старому и привели к частичному отказу от ограничений в военной сфере. Кроме того, следует вспомнить, что Брюнингу, несмотря на то что он пользовался уважением в армии и имел весьма высокий личный престиж за рубежом, державы-победительницы отказали в переговорах о самом умеренном перевооружении, тогда как те же самые державы, когда Гитлер громко заявил о перевооружении Германии, лишь выразили свой протест на словах, не подкрепив его прямыми действиями.

Нет ничего необычного в том, что армия, располагавшая лишь легким вооружением и даже деревянными пушками, с радостью приветствовала конец того положения, которое она считала недостойным и временным. Однако форсированное перевооружение не принесло офицерскому корпусу никаких личных преимуществ ни с материальной, ни с интеллектуальной точки зрения. Авторитет его в войсках был немногим выше, чем во времена Секта; жалование оставалось прежним, и, поскольку вследствие сложившихся обстоятельств на службу вернулось много бывших офицеров императорской армии, карьерный рост должен был замедлиться.

Как мы уже говорили, Гитлер поначалу требовал лишь ограниченного перевооружения, призванного обеспечить защиту и оборону границ рейха. Одновременно и, возможно, незави-

¹⁷ Торжественная церемония, организованная национал-социалистами 21 марта 1933 г. в Потсдаме по случаю созыва нового рейхстага. Ее ключевым моментом стала встреча рейхсканцлера А. Гитлера и рейхс-президента П. фон Гинденбурга. В «день Потсдама» национал-социалисты стремились продемонстрировать символическую преемственность своего рождающегося режима с прусско-германской историей. (Примеч. пер.)

симо от него, но под влиянием его действий, СА попытались создать массовую армию с помощью своих спортивных школ, для которых мы поставляли инструкторов; они выковывали там инструмент будущей революции, полностью сознавая, какой цели хотят добиться. Но об этом в то время не знали. Возможно, Верховное командование надеялось, что сформированные таким образом силы однажды будут напрямую включены в армию.

Дальнейший возможный путь развития событий оставался довольно темным до тех пор, пока однажды, во время летних маневров 1934 года, мы совершенно неожиданно получили приказ немедленно вернуться в места постоянной дислокации и оборонять свои казармы. Якобы СА задумали совершить путч, который вошел в историю под названием «путч Рёма». Реальность подготовки этого переворота так никогда и не была доказана; однако цели тех, кого объявили заговорщиками, были хорошо известны, и люди спрашивали себя, не принял ли Гитлер превентивные меры против опасности, угрожавшей ему с этой стороны.

Гитлер использовал незаконные методы для того, чтобы избавиться от нежелательных для него элементов в партии, в армии, в народе, даже от некоторых собственных сторонников; слепая ненависть СА и СС к своим противникам еще больше усугубила ситуацию. Были уничтожены несколько сотен человек, в том числе и тех, кто не участвовал ни в каком заговоре. Среди жертв этой отвратительной резни оказались и генералы фон Шлейхер и фон Бредов. Заодно Гитлер избавился от Грегора Штрассера, своего главного соперника, а вот одному из реорганизаторов СА обер-лейтенанту Паулю Шульцу, несмотря на тяжелое ранение, удалось избежать смерти благодаря счастливому стечению обстоятельств.

СС, поддержавшие Гитлера при подавлении путча Рёма, в последующие годы увеличивались и развивались как «личная гвардия» фюрера под началом Гиммлера. Очень скоро они слились с полицией, и их позиция стала незыблемой.

Во время этой междоусобной борьбы за власть армия оставалась совершенно пассивной. Официально она была признана единственной вооруженной силой в стране и тем самым оказалась защищена от партии. В конечном счете ее командование, сторонясь политики, потеряло всякое влияние на судьбы государства, в отличие от времени существования рейхсвера.

После путча Рёма впервые стало очевидно, что отныне не существует никакой силы, способной противостоять начинавшемуся террору, а вскоре смерть Гинденбурга порвала последнюю связь с прошлым. Все прежние партии и объединения или путем запрета, или через навязанный им «добровольный» самороспуск прекратили существование. В результате этого буржуазия, чьи моральные и интеллектуальные возможности презирались, потеряла в конце концов всякое значение. Самокритика и скептицизм разрушили веру в возможность какой-либо оппозиции. Ценность свободной личности, составляющая суть европейской культуры, была утрачена. Новое государство, которое его внутренние противники терпели с трудом, поскольку оно являлось плодом случайностей и их собственных неудач, несмотря на усилия своей пропаганды, лишь частично сумело примирить друг с другом различные классы и профессии. Хотя столь желанное единство народа внешне было достигнуто, оно так никогда и не стало реальностью в том смысле, какой вкладывали в него идеалисты, надеявшиеся на него и мечтавшие о нем.

Оздоровление общества

Тем не менее новое государство могло предъявить в качестве своего достижения улучшение социальных условий, что облегчило жизнь многим слоям общества. Диктатура, родившаяся из попрания закона, больше не казалась такой уж плохой, потому что действительно могла записать себе в актив победу над безработицей и общее повышение уровня жизни. Увеличились возможности, предоставлявшиеся представителям всех профессий. Был достигнут прогресс в народном здравоохранении. Социальные меры, направленные на защиту матери и ребенка, забота о молодежи и ее образование, строительство жилья и культурных центров – все это, бесспорно, заставило умерить тревоги, вызванные тем общим фоном насилия, которому народ не находил объяснения. Огромное большинство людей, измученных годами нищеты и безработицы, без особых раздумий обменяло свободу слова и печати, никоим образом не помогавшую им в их бедах, равно как и многопартийность, на создание новых рабочих мест, обеспечивавших им занятость.

Куда только не способны увести в подобные времена иллюзии, подкрепляемые ошибками, пропагандой и доверчивостью! Какие струны не приведут они в движение у тех, в ком рождается новый жизненный порыв! Не следует придавать слишком большого значения массовым демонстрациям, на которые по любому поводу собирались толпы рабочих, служащих, чиновников, студентов и крестьян, поскольку подобные мероприятия всегда было и будет легко организовать при некоторой ловкости и значительном принуждении, что отлично доказала наша эпоха. Но невозможно не признать того, что никогда люди не работали больше, лучше, с большим рвением, что возникло некоторое общественное примирение, по крайней мере в начале, бывшем столь многообещающим. Чтобы удостовериться в этом, достаточно обратиться к свидетельствам многочисленных иностранцев, описывавших социальные аспекты великого эксперимента как ценный и богатый опыт на будущее, как способ прекратить классовую борьбу и совместно работать для общего блага. Также можно было отметить, что в массах, долгое время отчужденных от государства, ведших с ним жестокую борьбу, рождалось новое отношение к жизни и гражданское чувство, порождаемое гордостью за свою страну. Конечно, все это было достигнуто самыми современными средствами пропаганды и умело организованной системой влияния на людей, действовавшей даже на уровне семей и самых небольших предприятий; к этому следует добавить вызывавший отвращение у образованных классов поиск врагов, перечень которых варьировался в зависимости от социальной среды и профессиональной принадлежности аудитории. Жертвами пропаганды поочередно становились евреи, франк-масоны, марксисты, буржуазия, интеллигенция, церковь. Даже сегодня мы недостаточно стыдимся таких постыдных явлений, как концлагеря. С самого начала эти эксцессы диктатуры совершались в строжайшей тайне, широкая публика имела о них крайне смутное представление, а армия знала еще меньше. Сегодня слишком громкая и агрессивная пропаганда сделала нас недоверчивыми, и мы не в состоянии увидеть объективную истину, хотя необходимость ее найти остается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.